

Отдѣлъ гончихъ XVII очередной выставни

Императорскаго Общества правильной охоты.

Гончихъ на этой выставкѣ было 109 штукъ, но изъ такого, сравнительно большого, количества, выдающихся чѣмъ-либо экземпляровъ было очень немного; большая часть не заслуживаетъ даже описанія; многія гончія продавались и видимо съ этой цѣлью попали на выставку.

Породистыя собаки были выставлены слѣдующія:

Смычокъ, состоящій изъ двухъ выжлецовъ, г. Мошнина; собаки эти породистыя и типичныя *костромскія*, отъ „Сказки“ г. Мошнина и моего „Кабана“. Я веду эту породу съ 1865 года и она не испорчена никакой примѣсью. Выставленные выжлецы, „Узнай“ и „Голосъ“, еще не достигли полного развитія, а потому немного тяжеловаты и мускулатура недостаточно рельефна; кромѣ того „Узнай“ щенкомъ сильно болѣлъ рахитизмомъ, который оставилъ своимъ послѣдствіемъ разметъ переднихъ лапъ и порочную, провалившуюся спину. „Голосъ“ сложенъ, напротивъ, совершенно правильно. Кто помнитъ на московскихъ выставкахъ моего „Кабана“ (XV) и „Сказку“ г. Мошнина (XIV), тотъ по этимъ „Голосу“ и „Узнаю“ можетъ судить, насколько кровная костромская гончая константна по признакамъ. Для читателей, не бывшихъ на выставкѣ, описываю этихъ выжлецовъ; они хорошаго роста, вѣроятно, вершковъ четырнадцати; пропорціонально широки; съ отлично развитыми и спущенными ребрами; на толстокостыхъ, сильныхъ ногахъ; голова особенно типична у „Голоса“; безъ всякой прилобистости, съ приподнятымъ затылкомъ, съ длинной красивой мордой и выдающимися широкими подвижными ноздрями. Уши у обонхъ выжлецовъ, какъ и требуется, треугольникомъ, безъ „под-

порокъ“, по недостаточно коротки, по моей глазомѣрной мѣркѣ. Масти эти выжлецы одной изъ самыхъ типичныхъ для породы—сѣрые, въ грязноватыхъ желтыхъ, очень большихъ подпалахъ. Глаза большіе и „строгіе“, серьезные, но слишкомъ свѣтлы, что, до извѣстной степени, портитъ ихъ фізіономію. Выжлецы эти бѣло-груды, бѣлоноги, съ загривинами, концы гоновъ бѣлые, что для костромской породы я считаю очень типичнымъ, хотя не считаю непремѣннымъ признакомъ своихъ костромскихъ гончихъ и не бракую собакъ по неимѣнію этихъ отмѣтинъ.

Смычокъ, выжлецъ и выжловка, г. *Чеботарева*; это англійскія гончія, вывезенныя изъ Германіи. Это не fox-hound'ы, а какой то особый типъ, который сталъ у насъ появляться сравнительно очень недавно. Въ Москвѣ въ первый разъ такія гончія были выставлены г. Богачевымъ, потомъ г. Янушковскимъ, наконецъ, на XV выставкѣ, стая того же типа собакъ была выставлена отъ Лейбъ-Гвардіи гусарскаго полка. Даже при самомъ поверхностномъ осмотрѣ этихъ гончихъ видно, что въ нихъ очень много крови бульдога, а при болѣе внимательномъ—это становится несомнѣннымъ; такъ, у очень многихъ изъ нихъ, зубы нижней челюсти заходятъ впередъ, а это такой признакъ, который уже не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Всѣ собаки этой породы чернопѣгой масти, страшно широкогрудыя и со спущенными ребрами; сырость ихъ бульдожьяго склада бросается въ глаза; головы и ноги точно налиты и раздуты жидкостью. Собаки эти безобразно пѣши, что я знаю отъ охотниковъ, ихъ имѣвшихъ; онѣ не поспѣваютъ даже за польскими гончими; лошадь равняется съ ними на самомъ сдержанномъ галопѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ вязки по звѣрю, но поразительно рѣдкоскалы, большинство же совсѣмъ не даетъ голоса. Специальность этихъ оригинальныхъ гончихъ—это работа по потаску тухлой селедки или какой то мерзости съ анисовымъ масломъ, которую волокутъ передъ стаей. (—Вообще, такія гончія, появившіяся у насъ, очень полезны: какъ разъ появятся кавалькады въ шутовскихъ костюмахъ, галонирующія за тухлой селедкой—). Смычокъ г. Чеботарева, выжлецъ „Тамбой“ и выжловка „Крафти“, хотя и очень типичные представители этой породы, но не изъ лучшихъ по ладамъ. „Тамбой“ хотя и сложенъ правильно, но даже въ этой, вообще сырой, породѣ, особенно поражаетъ сыростью; „Крафти“ съ совсѣмъ порочными задними ногами (ко-

ровыми); на ходу колѣнки ея заднихъ ногъ заплетаются одна за другую.

Три гончія г. *Гальбова*, выжлецы „Баянъ“ и „Набатъ“, и выжловка „Флейта“ весьма типичные fox-hound'ы; это пружинистыя сухія собаки, обѣщающія большую паратость. По моему мнѣнію ихъ единственный недостатокъ—это крайне мелкій ростъ. Въ стаѣ, какъ на прошлогодней выставкѣ, недостатокъ этотъ не столь былъ замѣтенъ, но отдѣльныя три собаки, какъ на послѣдней XVII выставкѣ, кажутся по росту совсѣмъ ничтожными. Къ тому же, эти гончія почему то стояли вмѣстѣ съ довольно рослыми борзыми, передъ которыми онѣ казались даже не гончими, а какими то терріерами.

Кромѣ перечисленныхъ семи собакъ, надо причислить къ породистымъ гончимъ „Вопилю“, изъ стаи Великаго Князя Георгія Михайловича. Хотя я и не считаю гончихъ г. Бурцева типичными костромскими, но свой, особый типъ гончихъ этого уважаемого охотника такъ крѣпко установленъ, признаки его такъ опредѣленны, что гончую г. Бурцева узнаешь съ перваго взгляда между десятками другихъ, хотя бы тоже чернопѣгихъ, гончихъ.

„Вопило“ очень недурной представитель этой чернопѣгой породы или разновидности костромскихъ гончихъ. Это довольно рослая собака, вѣроятно немного выше четырнадцати вершковъ, съ хорошей, сухой головой, немного долгоухъ для костромскаго типа, съ широкимъ, удовлетворительно спущеннымъ, ребромъ, на сухихъ, довольно толстокостыхъ ногахъ и правильныхъ лапахъ. Я не стану спорить съ тѣми, кто утверждаетъ, что въ гончихъ г. Бурцева есть примѣсъ англійскихъ гончихъ, но тѣмъ не менѣе остаюсь при томъ мнѣніи, что, по признакамъ, эти гончія очень близки къ костромскому типу, а отклоненія отъ него могли произойти помимо всякой помѣси, просто, послѣдствіемъ односторонняго подбора въ самой породѣ.

Наконецъ, къ типичнымъ, по наружнымъ признакамъ, гончимъ необходимо отнести выжлеца „Робидо“ *Е. Е. Смирнова*. Это типичная французская гончая, хотя я и не берусь вѣрно опредѣлить ту породу французскихъ гончихъ, къ которой она принадлежитъ. Судя по рисункамъ, „Робидо“ по ладамъ ближе всего напоминаетъ *гасконскихъ* гончихъ, но его масть, бѣлая съ черными пѣжинами на головѣ и свѣтлыми подпалинами, для гаскон-

скихъ гончихъ не считается типичной (типичная масть этихъ гончихъ очень похожа на масть нашихъ маркловыхъ, съ той лишь разницей, что у гасконскихъ гончихъ пѣжины не коричневые, а черные). Мاستью „Робидо“ скорѣе подходитъ къ *нормандскимъ* гончимъ, но для послѣднихъ онъ сложенъ недостаточно массивно.

Вѣрнѣе же всего, что онъ принадлежитъ къ какой-нибудь разновидности, что, однако, нисколько не уменьшаетъ его достоинства, какъ очень типичной французской гончей. Сложенъ онъ замѣчательно правильно и красиво, съ отличной, ушастой головой, прекрасно развитой колодкой, на хорошихъ ногахъ, съ правильнымъ гономъ. Его лай, который мнѣ пришлось услышать на выставкѣ, такъ характеренъ и такъ существенно отличенъ отъ лая костромскихъ гончихъ, что я едва-ли когда-либо забуду этотъ своеобразный голосъ иностранца „Робидо“. Собака эта едва ли можетъ хорошо работать, такъ какъ изуродована какой-то огромной раной въ пахъ, отъ которой остался большой шрамъ; отъ этой ли зажившей раны или почему-либо другому, но ходить онъ неразвязно, а точно спутанный.

Этими *девятью* гончими на XVII очередной выставкѣ ограничивалось количество типичныхъ гончихъ. — Какъ видите, плачевно мало. Остальная *сотня* гончихъ, вся, безъ исключенія, относится къ разнымъ помѣсамъ, начиная съ недурныхъ и кончая самыми фантастическими и бессмысленными, съ примѣсью дворнягъ включительно.

Четырьмя экспонентами выставленные ими гончія названы „русскими“, но относиться серьезно къ такой профанаціи, я, по крайней мѣрѣ, не могу. Типъ *русскихъ* гончихъ очень опредѣленный, и если онѣ не появляются на выставкахъ, если этотъ типъ совершенно уже вымеръ, то отъ этого все-таки нѣтъ никакого резона именовать *русскими* гончими разныхъ помѣсовъ, не имѣющихъ между собою никакого сходства. На XVII выставкѣ произошло именно это: три совершенно разные типа были наименованы одной и той же кличкой „русскихъ гончихъ“, такъ что, даже становясь на точку зрѣнія современныхъ охотниковъ, которые никогда не видали настоящихъ русскихъ гончихъ, ни къ какому положительному выводу относительно того, что имъ желательно именовать названіемъ „русской гончей“ — придти нельзя. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ изъ гончихъ, выставленныхъ на XVII

выставкѣ подѣ тенденціозной этикеткой „русскихъ“ гончихъ, такъ опредѣленны признаки ихъ недавняго смѣшаннаго происхожденія, что смотрѣть на нихъ, какъ на породу, нѣтъ еще основанія.

Подѣ названіемъ „русскихъ гончихъ“ были выставлены слѣдующія собаки:

Стая Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича, состоящая изъ тридцати слишкомъ собакъ. Это чернотѣгія, некрупная, за малымъ исключеніемъ, жиденькія собачки,—словомъ то, что такъ еще недавно, вообще, именовалось „англо-русскими гончими“. Это, по большей части, дѣти гончихъ той же стаи Его Высочества, которая была выставлена въ Петербургѣ на первой очередной выставкѣ Общества Любителей породистыхъ собакъ. Съ тѣхъ поръ собаки въ этой стаѣ безспорно стали однотипнѣе, но лады, параллельно съ этимъ, также несомнѣнно ухудшились:—нѣтъ уже хорошихъ, выдающихся экземпляровъ, какіе были на петербургской выставкѣ, кромѣ Бурцевскаго „Вопилы“, о которомъ я говорилъ, и другого выжлеца, очень на него похожаго.

Стайка изъ десяти гончихъ гг. Де-Пельпоръ и Венкстернъ также экспонировалась за „русскихъ гончихъ“. Произошли эти собаки отъ моей костромской выжловки и польско-костромскихъ Левашовскихъ собакъ. „Чайка“, мать восьми десятимѣсячныхъ щенковъ, составлявшихъ стайку, дочь моей „Галки“, проданной мною въ Рязань г. Кашкарову. Отецъ этихъ щенковъ, выжлецъ „Соловей“, происходитъ отъ гончихъ, когда-то очень славившихся Левашовскихъ. Но почему эта помѣсь моихъ костромскихъ гончихъ съ польско-костромскими сдѣлалась „русской“ гончей—рѣшить довольно мудрено. „Чайка“ и „Соловей“ между собою далеко не однотипны: первая ближе къ костромскому типу, второй окрасомъ и ладами прямой полуполякъ. Дѣти ихъ должны считаться очень удачнымъ, по однотипности, пометомъ; они ближе къ костромскому типу, чѣмъ „Соловей“, но вздернуты на ногахъ и бѣдны грудью и ребрами, какъ „Чайка“. Спина хороша во всей стайкѣ только у послѣдней; у остальныхъ спины не переслѣгія, а сѣдлистыя, что свойственно польскимъ тяжелымъ гончимъ. Масть всей стайки чепрачная, но цвѣтъ подпалитъ у всѣхъ, кромѣ „Чайки“, тоже очень напоминаетъ польскихъ собакъ. У „Чайки“ онѣ гораздо свѣтлѣе. Вообще, если смотрѣть на эту стайку, какъ на поль-

ско-костромскую, то она очень недурна; вѣроятно, она и работаетъ хорошо; но что эти гончія ничего не имѣютъ напоминающаго „русскихъ“—въ этомъ даже и сомнѣваться нечего.

Смычекъ г. *Кашкарова*, выжлецъ „Будило“ и вышловка „Выжла“, выставленъ былъ также подъ именемъ „русскихъ гончихъ“. Собаки эти того же происхожденія, какъ и предъидущія, тѣхъ-же ладовъ и масти, только немного порыхлѣе и пошире. Свои тоненькіе и голые гоны на ходу онѣ загибаютъ кольцомъ на спину, что очень некрасиво; настоящія русскія гончія носили гоны въ очень крутомъ кольцѣ, но они у нихъ были псовистые и короткіе, и эта манера носить хвосты шла къ общей ихъ фигурѣ, точно такъ-же какъ хвостъ кольцомъ или кренделемъ идетъ къ лайкѣ. Но при общемъ складѣ польско-костромской гончей, при ея голошерстости, унаслѣдованной отъ польскихъ предковъ, гонъ, завернутый кольцомъ на спину, такъ-же безобразитъ гончую, какъ безобразилъ бы пойнтера пруть кренделемъ.

Конечно, если держаться относительно гончихъ того мнѣнія, что „лишь бы хорошо гоняла“, что старыхъ типовъ уже нѣтъ, а надо довольствоваться тѣми каракатицами, которыхъ есть и теперь достаточно,—то толковать нечего. Но для тѣхъ охотниковъ, для которыхъ еще понятны настоящія породистыя гончія русскихъ породъ, дисгармонія современныхъ каракатицъ, все равно чепрачныя онѣ или „кофейныя“, такъ-же противна, какъ любителю музыки безтолковое исполненіе его любимой піесы.

Уже вторую выставку въ каталогахъ фигурируетъ названіе „Левашовскихъ“ гончихъ; во времена, теперь уже отдаленныя, я зналъ, и много разъ видалъ въ работѣ, нѣсколькихъ „Левашовскихъ“ гончихъ, полученныхъ непосредственно изъ стаи Левашова. Никто изъ тогдашнихъ охотниковъ не называлъ этихъ гончихъ ни костромскими, ни русскими, онѣ и тогда были извѣстны подъ именемъ *полупольскихъ*. Это были очень рослые, черныя, въ большихъ темныхъ подпалахъ, гончія, съ бочковатыми, но мало спущенными ребрами, съ характерными, сухими, не польскаго склада, головами, довольно длинноухія, на крѣпкихъ, толстокостыхъ и высокихъ ногахъ; гоны ихъ были бѣдно одѣты и почти прямые. Работали они отлично, преимущественно по красному, но были самые неисправимые скотинники: бросали гонъ, чтобы врѣзаться въ стадо.

На прошлогодней XVI выставкѣ г. Энгельмейеръ приводилъ по-

казать стараго выжлеца, какъ представителя Левашовскихъ гончихъ. Выжлецъ этотъ безспорно напоминаетъ этихъ гончихъ, но напоминаетъ ихъ такъ-же, какъ скверно набитое и выпцѣтшее чучело напоминаетъ живого звѣря.

Наконецъ, былъ и четвертый экспонентъ, выставившій смычокъ подъ этикеткой „русскихъ гончихъ“, но объ нихъ говорить нечего, такъ какъ происхожденіе этого смычка отъ недвусмысленной дворняги мнѣ извѣстно лучше, чѣмъ кому бы то ни было. Зачѣмъ эти убудки, съ дикими кличками, попали на выставку—довольно странно. Неужели г. экспонентъ надѣялся на премію, только благодаря масти собакъ, которыя выродились въ этомъ отношеніи въ извѣстныхъ кровныхъ собакъ?!

Кромѣ перечисленныхъ гончихъ, двумя экспонентами были выставлены собаки съ опредѣленіемъ породы. *Г. Бляковъ* экспонировалъ смычокъ „арлекиновъ“, масть которыхъ, дѣйствительно, характеристична для означенной породы, но собачки мелки и жидки, и не представляютъ изъ себя ничего хорошаго. *Г. Бекъ Н. Г. Мармачевъ—Каспарини* выставилъ четырехъ гончихъ „костромскихъ“. Собаки эти, дѣйствительно, по признакамъ ладовъ, напоминаютъ костромскихъ гончихъ, но развѣ только напоминаютъ; это жидкія, растянутыя и маленькія собачки, въ которыхъ нѣтъ и помину о мощи и энергіи—качества, неразрывно связанныя съ представленіемъ о костромскихъ собакахъ. Я готовъ допустить, что собаки эти хорошаго происхожденія, но, въ такомъ случаѣ, онѣ такъ выродились, что съ точки зрѣнія выставочнаго осмотра—не заслуживаютъ вниманія.

Изъ остальныхъ гончихъ, бывшихъ на XVII выставкѣ, заслуживала вниманія стая Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго и Принца Константина Петровича Ольденбургскаго. Въ каталогѣ выставки она также названа *русской*, на что, по общему виду гончихъ и по ихъ происхожденію изъ двухъ старыхъ охотъ съ своеобразными установившимися типами гончихъ (что несомнѣнно для Столыпинскихъ гончихъ), она имѣетъ несравненно болѣе права, чѣмъ всѣ остальные гончія, выставленныя подъ тѣмъ же названіемъ. Собаки эти хорошаго роста, подобраны подъ масть, и только при ближайшемъ ихъ осмотрѣ, становятся замѣтными тѣ недостатки, которые приущи гончимъ г. Дурасова и гончимъ г. Столыпина, изъ которыхъ

подобрана эта стая: у первыхъ — вялость мускулатуры и плохія лапы, у вторыхъ недоразвитость реберъ. Стая много проигрывала съ виду тѣмъ, что собаки были сонныя и какъ бы помятыя, что объясняется длиннымъ желѣзнодорожнымъ путемъ, который онѣ перенесли.

Остается еще довольно много неперечисленныхъ гончихъ; я вполне убѣжденъ, что многія изъ нихъ хорошо работаютъ и удовлетворяютъ, въ полевомъ отношеніи, своихъ владѣльцевъ, но тѣмъ не менѣе остается открытымъ вопросъ, для чего ихъ ставятъ на выставку? Странно, что большинство охотниковъ, несмотря на XVII уже выставку, не можетъ еще разобраться въ томъ, что гончая — хорошая работница, ничего не стоитъ на выставкѣ, если она безпородна, или мала, или вообще неказиста съ виду?

Изъ всѣхъ этихъ остальныхъ гончихъ, я упомяну только о слѣдующихъ: гончія, три смычка, 1. *Карцева*. хотя и мѣшанная, но ладная, хорошо сложенная, съ развитыми мускулами, нѣкоторыя при этомъ хорошаго роста. Масти чепрачной.

Изъ трехъ гончихъ *М. В. Смирнова*, недурна выжловка „Забавка“, но крайне мала ростомъ; сѣрая въ подпалахъ.

Обращали на себя вниманіе огромнымъ ростомъ: „Будило“ 1. *Цыпцова*, черный, въ рѣзкихъ подпалахъ, и тоже „Будило“ 1. *Чернышева*, очень похожій на перваго ростомъ и окрасомъ. Но къ этимъ лошадеобразнымъ собакамъ, въ окрасѣ гончихъ, я вообще привыкъ, по опыту, относиться осторожно. Въ нихъ вообще замѣтно бываетъ что-то совсѣмъ не гончее.

Объ остальныхъ выставленныхъ гончихъ, въ томъ числѣ и о гончихъ феноменальныхъ окрасовъ, даже „кофейныхъ“, я ничего не имѣю сказать и храню молчаніе, что будетъ несравненно пріятнѣе ихъ счастливымъ обладателямъ.

Первый разъ, на XVII выставкѣ, на отдѣлѣ гончихъ было присуждено очень немного наградъ. Если это произошло по предварительному рѣшенію относиться строже при экспертизѣ и вообще понизить уровень премій, то къ такому рѣшенію нельзя не отнести съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Но въ такомъ случаѣ позволительно было надѣяться, что экспертиза отнесется къ своей задачѣ съ особенной осмотрительностью и осторожностью, такъ

какъ ошибки, случавшіяся при прежнемъ изобиліи премій, сглаживались этимъ обиліемъ и были сравнительно мало замѣтны; когда же, на массу собакъ, присуждается малое количество премій, то качество премированныхъ собакъ особенно обращаетъ на себя общее вниманіе.

Къ сожалѣнію, съ такимъ присужденіемъ премій *немногимъ* гончимъ на XVII выставкѣ произошло что-то очень странное и необъяснимое, какія-то не то ошибки, не то путаница. Напримѣръ, изъ смычка г. Чебатарева, высшую премію для отдѣльных гончихъ на этой выставкѣ, малую серебряную медаль, получила выжловка „Крафти“, съ безобразно порочными задними ногами. Изъ смычка г. Мошнина бронзовую медаль получилъ выжлецъ „Узнай“ съ передними лапами въ разметѣ, съ порочной спиной и сырой головой, а „Голось“, къ которому, по ладамъ, трудно придратъся, не удостоенъ ничѣмъ.

Не лучше распредѣлены и остальные немногочисленные преміи, и гг. судьи сами не могли объяснить, почему сдѣлано такъ, а не иначе. Въ знаніяхъ судей я не сомнѣваюсь, но что они отнеслись къ своей обязанности невнимательно—это вѣтъ сомнѣнія. Самъ я не видалъ, но если справедливо, что помету еще непогодовавшихъ щенковъ гг. Де-Пельпоръ и Венкстернъ присуждена за стаю (?) большая серебряная медаль, а за стаю Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго ничего, то это настоящій апоѳеозъ балльной системы и трехъ судей.